

«В деревню к тетке, в глушь, в Саратов» отправил когда-то своего героя классик русской литературы. Столь непочтительная характеристика нашей губернии, точная для начала XIX века, уже к его середине стала неверной. Стремительно развивающаяся Саратовская губерния догоняла и перегоняла соседние волжские провинции, а сам Саратов на рубеже XIX–XX веков по праву претендовал на роль столицы Поволжья. Не отставали, а в чем-то опережали общероссийские стандарты и саратовские места заключения, к благоустройству которых приложил руку, будучи саратовским губернатором, будущий начальник Главного тюремного управления М.Н. Галкин-Врасский.

ГЛАВА 1. **УЛИЦА ОСТРОЖНАЯ,** **ПЛОЩАДЬ ПОЛИЦЕЙСКАЯ**

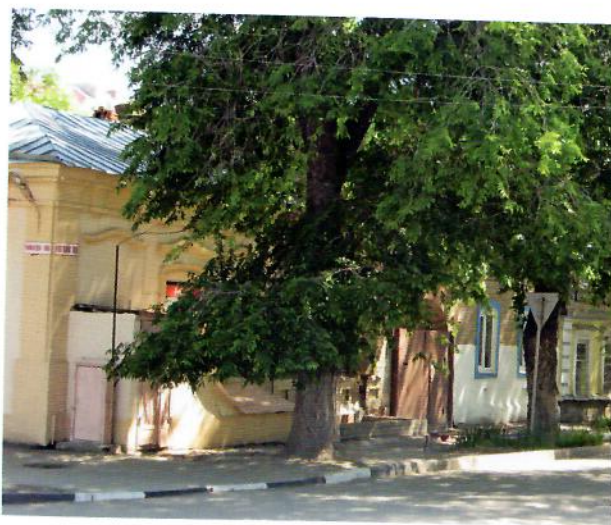
Старейшей тюрьмой Саратова, о которой что-либо достоверно известно, был так называемый острог. Он был выстроен в XVIII веке в районе современного Сенного рынка, перед Глебучевым оврагом. В то время эта местность была еще загородной. Острог представлял собой деревянную постройку без окон, наподобие большого сарая, где сидели узники. Постройка была обнесена высоким частоколом из толстых бревен. Снаружи около ворот стояла кордегардия – изба для караула. Первые сведения об остроге относятся к временам восстания Емельяна Пугачева. В датированном маем 1770 года протоколе допроса арестанта Ивана Мамаева – бывшего войскового писаря, дезертировавшего из своего полка – упомянуто, что два года тому назад (то есть в 1768 году) онный Мамаев сидел в Саратовском остроге.

В конце XVIII – начале XIX века город кончался так называемой Московской заставой в районе нынешней улицы Радищева. На плане города 1798 года за Московской заставой показаны три расходящиеся в полях дороги: налево – Астраханская (на Камышин и Астрахань), посередине – Московская (на Пензу и Москву), направо – Симбирская (на Вольск, Сызрань и Симбирск). Симбирская дорога от заставы вела к острогу. Возле острога, и под охраной его караулов, был единственный мост через Глебучев овраг. Помимо функции тюрьмы, острог выполнял и функцию блокпоста подле, так сказать, моста стратегического значения. За мостом Симбирская дорога шла по склону Соколовой горы, и до почтового тракта.

Деревянные, и неокрашенные к тому же, постройки имеют свойство быстро гнить. Уже на плане Саратова 1812 года острог ука-

зан, как «ветхий». Сперва предполагалось старый острог снести и выстроить аналогичный, но уже за оврагом, на склоне Соколовой горы. В действительности высочайше утвержденный в 1812 году императором Александром I план застройки Саратова предусматривал строительство не деревянной, а каменной тюрьмы – так называемого тюремного замка. Тюремный замок – будущий СИЗО-1 – появился в 1827 году. А острог сломали.

Постепенно Саратов расширялся, и спустя некоторое время до местности, где был острог, дошла городская застройка. Одна из первых сложившихся здесь улиц явилась продолжением Кузнечной, но жители ее прозвали Старо-Острожной, или Остроженской, хотя, строго говоря, острог стоял и не на ней. Под таким именем улица попала в планы города. В 1909 году домовладельцы улицы Старо-Острожной ходатайствовали о переименовании улицы в Гоголевскую (в том году

Улица Гоголя (она же – Старо-Острожная, она же – Остроженская). Изначально была названа в честь располагавшейся неподалеку деревянной тюрьмы-острога

135 ЛЕТ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Построенная в 1843 году на руинах острога Крестовоздвиженская, или Казачья, церковь (угол улицы Большой Горной и переуллка Галкина-Врасского)

Здание городского полицейского управления Саратова, ул. Соборная, 7 (фото 1904 года). В настоящее время на этом месте расположено здание областного управления противопожарной службы МЧС России

отмечали 100-летие со дня рождения писателя). Мотивировали это тем, что старое название улицы очень уж неблагозвучное, да и самого острога давным-давно нет. Городская Дума поддержала это предложение и переправила его на утверждение в Министерство внутренних дел Российской империи. Осенью того же года МВД сообщило об утверждении переименования Старо-Острожной улицы в ул. Гоголя.

К середине XIX века городская застройка дошла и до нынешнего Сенного рынка. Вдоль проселочной дороги появились дворы отставных солдат, государственных крестьян и мещан. Здесь же, между двумя отрогами Глебучева оврага, располагалась пригородная казачья станица. Нынешняя Сенная площадь тогда именовалась Казачьей и была гораздо шире, и на ней казаки обучались джигитовке и конному строю. На краю площади все еще стояли ветхие полуразобранные строения острога, уродуя пейзаж. Станичное правление обратилось к городским властям с просьбой построить на месте острога каменный храм. В 1843 году на острожных руинах возвели Крестовоздвиженскую (Казачью) церковь. Когда здесь сложились улицы, церковь оказалась

Улица Розы Люксембург, она же – улица Галкина-Врасского (перекресток с ул. Большой Горной вблизи Сенного рынка). Где-то здесь двести лет назад стоял саратовский острог

135 ЛЕТ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

находящейся на углу улиц Большой Горной и Галкина-Врасского (позднее – ул. Розы Люксембург). До настоящего времени церковь не сохранилась.

Кстати, правоохранительная, так сказать, тема была представлена достаточно широко и в топонимике (то есть названиях площадей, улиц и переулков) старого Саратова. Помимо упомянутой Старо-Острожной, были еще улицы Полицейская и Жандармская и Полицейская площадь. Все они получили свои имена по учреждениям, которые там располагались. К настоящему времени Полицейская площадь застроена, а вот улицы Полицейская и Жандармская сохранились. Теперь, правда, они носят более благозвучные имена: Октябрьская и Хользунова.

Насчет улицы по имени Полицейская (и одноименной площади) известно следующее. В 1798 году в Саратове были образованы три полицейские части и утвержден штат городской полиции: три пристава, шесть квартальных надзирателей и 60 десятников. Размещалась каждая часть в деревянных избах, называвшихся тогда съезжими. Полиция, согласно уставу, именовавшемуся «Благочинный, или полицейский», должна была «блюсти нравственность среди жителей губернии». Некоторое время городское полицейское управление помещалось в доме, занятом ныне Государственным музеем им. К.А. Федина. Находящуюся около здания полиции небольшую площадь (между нынешней Октябрьской и Комсомольской улицами и к Волге) жители прозвали Полицейской. Улица, начинавшаяся у Волги и проходившая мимо полиции, тоже стала называться Полицейской (сейчас – ул. Октябрьская). С апреля 1831 года здание полицейского управления заняло 2-е Сретенское мужское училище, где в 1891–1899 годах учился наш земляк – известный советский писатель Константин Александрович Федин. С 1981 года и поныне здание служит музеем Федина.

А полицейское управление переехало на ул. Соборную. Там, напротив Липок, на ме-

Здание, где до 1831 года было полицейское управление Саратова, затем – 2-е Сретенское мужское училище, а сейчас – музей писателя К.А. Федина

Улица Октябрьская (она же – Полицейская). Вид на магазин «Антей»

сте нынешнего областного управления противопожарной службы МЧС России было красивое двухэтажное здание с пожарной каланчой. В нем совместно, как тогда было заведено, располагались и полиция, и пожарная часть.

135 ЛЕТ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

ГЛАВА 2. ВОЛЬСКАЯ УЕЗДНАЯ ТЮРЬМА

Согласно архивным данным, первое пенитенциарное учреждение в слободе Малыковке, как когда-то именовался город Вольск, звалось каталажкой и действовало еще в середине XVIII века. В 1775 году произошло сразу два знаменательных в плане борьбы с малыковской преступностью события: образован местный суд и построен деревянный острог с большим, чем у каталажки, числом «посадочных мест». Острог действовал до 1807 года, покуда не сгнил и не был продан на слом, колодников из него переселили в старые солдатские казармы. И вот в 1823 году, в царствование Александра I, в строй вступила новая каменная тюрьма, которая, меняя внешний вид и названия, но не меняя существенно своей функции, «дослужила» до настоящего времени и именуется сейчас следственным изолятором № 2.

Согласно принятой в те времена терминологии, до 1888 года вольская тюрьма называлась тюремным замком, затем, до революции 1917 года – Вольской уездной тюрьмой. Тюремный замок располагался за городской заставой Вольска, на Саратовском тракте, и изначально представлял собой деревянное двухэтажное здание с каменным фундаментом и крытой жестью крышей, обнесенное высокой каменной стеной. То есть, хотя замок в отчетах гордо именовался «каменным», из камня (или из кирпича) в нем были только фундамент и ограда – маленькая бюрократическая хитрость XIX века. В здании располагались десять арестантских камер, кухня, кладовка, моленная, баня и караульное помещение. Кроме основного корпуса, на огражденной территории имелись погреб и дровяной сарай, а снаружи, за стеной – колодец, четыре будки для постовых солдат и, на специальном столбике-часовне – образ Божьей Матери и кружка для сбора подаяний. Замок служил как для содержания местных арестантов, так

и для остановки этапных партий, отправляемых в Сибирь на каторгу и поселение. Охрана осуществлялась местной инвалидной командой – солдатами, не годными по возрасту или в связи с ранениями к строевой службе. Первым смотрителем (начальником) тюремного замка стал армейский поручик Щуров, который на этом славном посту дослужился до чина штабс-капитана.

В 1828 году в замке повесили специальный колокол для вызова по тревоге караула. Колокол, купленный на средства из местного бюджета, весил целых полтора пуда. В 1829 году, заботясь о здоровом быте спецконтингента, в арестантских камерах сделали оконные проемы – до того узники сидели в темноте или при свете коптилок. В 1830 году трудами вольского мещанина Дмитрия Москвичева вокруг замка возведена уже упомянутая каменная ограда.

В 1851 году старый деревянный корпус был снесен, и выстроено каменное трехэтажное здание на 100 арестантов, имевшее 27 общих камер. Одиночных камер не было. Это здание сохранилось до настоящего времени. В то время среди уездных тюрем губернии лучшими считались Кузнецкая, Вольская и Камышинская. Лишь в них были новые круп-

Старый корпус СИЗО-2 постройки 1851 года

135 ЛЕТ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

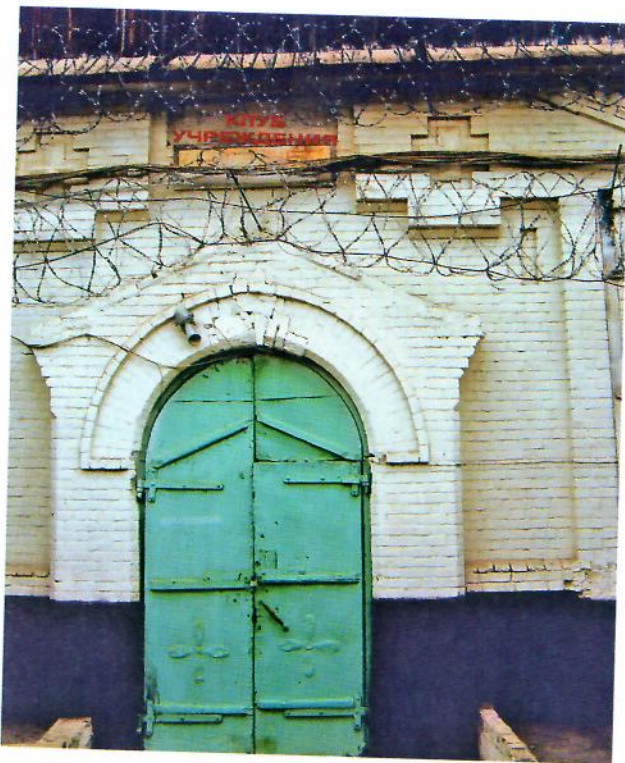

ные корпуса, и потому имелась возможность распределять заключенных по камерам с учетом возраста, пола и тяжести преступления. Штат Вольской тюрьмы к 1903 году (а скорее всего, с момента постройки нового каменного корпуса) включал начальника, одного старшего и двенадцать младших надзирателей.

В 1899 году на средства московского купца А.В. Винтера и почетного гражданина той же Москвы Э.Ф. Шиллера по проекту архитектора Ю. Терлинова в тюрьме построили свою церковь. В церковь, где могло разместиться около 200 человек, из главного здания вел специальный переход. На территории тюрьмы имелся еще так называемый административный корпус. Но, в отличие от современных административных корпусов, в том были не служебные кабинеты, а жилые квартиры начальника тюрьмы и старшего надзирателя. В одном из документов сохранилось такое упоминание: «Квартира начальника тесна, окна выходят на тюремный двор». Как говорится, можно руководить, не выходя из дома, хотя и в тесноте. Для младших надзирателей не было даже тесных казенных квартир, и сменившиеся с постов отдыхали в специальном «караульном доме». Это, кстати, отмечали, как недостаток. В 1893 году в тюрьме был произведен капитальный ремонт, обошедшийся в 3365 рублей. Реконструкции подверглись баня, комната свиданий и квартиры начальника тюрьмы и старшего надзирателя.

К концу XIX века, с переходом от пешего этапирования арестантов к перевозке их железной дорогой и пароходами, Вольская тюрьма постепенно утратила функции региональной пересылки. Тем не менее, еще по состоянию на 1890 год через Вольский уезд проходил так называемый «главный ссыльный путь» Саратовской губернии. Он шел берегом Волги от границы Астраханской губернии до границы Симбирской губернии, пересекая Царицын, Камышин, Саратов, Вольск и Хвалынский.

Жизнь в Вольской уездной тюрьме текла по общим стандартам тех времен. Хлебопече-

*Бывшая тюремная церковь –
ныне клуб СИЗО-2*

ние и приготовление пищи осуществлялось самими арестантами. При тюрьме имелся небольшой огород – площадь менее одной десятины – и сад. Выращивали, главным образом, картофель и капусту. Да и местные жители, как тогда было принято, делали в тюрьму довольно щедрые пожертвования на улучшение питания. Как правило, в натуральном виде: белым хлебом, мясом и рыбой. Кандалы и наручники поступали из Саратова, где их делали в губернской тюрьме. Деньги на отопление и освещение отпускали местные городские власти. Воду брали из городского резервуара, куда, в свою очередь, она поступала из родников. Одна из камер тюрьмы, где разместили 10 кроватей, использовалась в качестве больничной. Медпомощь оказывал собственный тюремный фельдшер, причем в работе ему безвозмездно помогал местный городской врач. К примеру, в 1897 году через тюрьму прошел 451 арестант, а стационарных больных за год было 69. В качестве санитаров

135 ЛЕТ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

использовались арестанты – «хожатые» – получающие за это небольшое жалованье.

Как и везде, работы арестантов подразделялись на внутренние – в тюремных мастерских, наружные – вне тюрьмы и работы по тюремному хозяйству. Отдельного здания-мастерской в Вольской тюрьме не было, и в режимном корпусе под мастерские переоборудовали четыре камеры: две камеры – ткацкая мастерская, одна – корзиночная и одна – «лапотная и сапожная». Основной продукцией был холст для арестантской одежды, белья и постельных принадлежностей (холст подкладочный, холст рубашечный, холст беленый, равендук, тик и коломянка). Кроме того, мешочный холст. Мешки из такого сукна имели постоянный сбыт на многочисленных мукомольных мельницах губернии. Кроме того, по заказам частных лиц иногда делали ткань под названием сарпинка. Работали в мастерских только мужчины, и то достаточно нерегулярно, женщины-арестантки обычно сидели без дела.

Так называемые внутритюремные работы состояли в поддержании чистоты в тюрьме и на прилегающих городских улицах, помоле хлеба на тюремных мельницах, приготовлении пищи, обработке огорода и сада, пилке-колке дров, топке печей. Наружные работы состояли в погрузке-выгрузке вагонов на станции, а летом – еще и барж на пристанях.

В 1897 году вольские арестанты провели на работе 6109 человеко-дней. При этом для арестантов, которым работа обязательна, коэффициент трудоиспользования в среднем за год составил 68,5%. По данному показателю Вольская тюрьма заняла третье место с хвоста из одиннадцати пенитенциарных учреждений губернии. В среднем по учреждениям этот показатель составлял 76,4%, а лидировали Сердобская и Аткарская тюрьмы и Саратовское исправительное арестантское отделение – 100% (и даже более, за счет сверхурочных работ). Среднегодовой заработок на душу работающего вольского арестанта в 1897 году составил 25 рублей 57 копеек (в среднем по тюрьмам губернии – 31 рубль 16 копеек).

Как и сейчас, заработок арестанта был на порядок меньше, чем вольного работника.

Помимо занятия арестантов работой, как одним из главных исправительных средств, тюремное начальство заботилось также об их духовно-нравственном совершенствовании. Утром и вечером, перед принятием пищи и после того, арестанты обязаны были произносить или даже петь хором соответственные молитвы. В воскресные и праздничные дни, а также накануне таких дней, заключенные присутствовали на богослужении в тюремной церкви. Собственного священника в тюрьме сперва не было, поэтому для богослужений, преподавания грамоты, бесед и чтений с заключенными приглашался священник из местного духовенства.

В тюрьме имелась библиотека из книг регламентированного духовно-нравственного, исторического, сельскохозяйственного и бытового содержания. В библиотеку выписывали журналы «Русский паломник», «Воскресенье», «Вестник Красного Креста». Остается вопросом, насколько увлекало арестантов такое душевспасительное чтение. Привычных для нынешних осужденных и любимых ими детективов и боевиков в той библиотеке не было. Для обучения арестантов грамоте и Закону Божию в тюрьме устроили школу, преподавать пригласили дьякона из городской церкви. Независимо от взрослых, к обучению обязательно привлекали всех несовершеннолетних арестантов.

В 1897 году в Вольской тюрьме для проведения воскресных чтений на те же религиозно-нравственные, исторические, сельскохозяйственные и бытовые темы организовали специальный кружок. И более того: вольский «передовой опыт» образца 1897 года, о котором, как и сейчас, доложили во все вышестоящие инстанции, состоял в использовании специально приобретенного «волшебного фонаря для демонстрации туманных картин» (то есть, фильмоскопа с набором слайдов). Кружок был организован по инициативе тюремного отделения Вольского уездного правления и воспита-

135 ЛЕТ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

теля Вольской военной школы Н.П. Лепешинского. В него вошли воспитатели той же школы В.Н. Парамонов, Н.С. Добронравов и учитель М.В. Панов. Ведение чтений «духовно-нравственных и о Святой земле» взяли на себя священник военной школы отец В.Г. Еланский и священник тюремной церкви протоиерей И.Д. Краснов.

Двадцать лет, с 1883 по 1903 год, Вольскую уездную тюрьму возглавлял надворный советник (это, примерно, подполковник внутренней службы) Афанасий Михайлович Порохин. Происходил А.М. Порохин из крестьян Вятской губернии, вероисповедания был, как и положено, православного. В числе наград и знаков отличия имел ордена Святой Анны 3 степени и Святого Станислава 3 степени, серебряную медаль в память царствования императора Александра III, а также такие специфические регалии, как нашивку из желтой тесьмы за 6-летнюю «беспорочную службу», серебряный шеврон за сверхсрочную службу в армии и золотой шеврон за 5 лет сверхсрочной службы в корпусе жандармов.

С 1863 по 1882 год будущий начальник Вольской тюрьмы был солдатом и унтер-офицером (по современному, сержантом) срочной и сверхсрочной службы в армии и в Отдельном корпусе жандармов. В возрасте 39 лет, а именно в 1882 году, уволился из жандармов «на гражданку» и был назначен смотрителем Хвалынского тюремного замка, в 1883 году – смотрителем Вольского тюремного замка. В 1888 году Вольский тюремный замок был переименован в уездную тюрьму, а его смотритель – в начальника тюрьмы. В 1885 году, будучи уже сорока двух лет от роду, бывший крестьянин, солдат и жандарм, а ныне смотритель тюремного замка Порохин удостоился своего первого классного чина коллежского регистратора. Сейчас бы мы назвали его младшим лейтенантом внутренней службы. Но на достигнутом Афанасий Михайлович не остановился, и к 1901 году дорос до надворного советника (условно говоря, до подполковника внутрен-

*Начальник
Вольской уездной
тюрьмы
в 1903–1906 гг.
коллежский асессор
П.И. Назоров*

ней службы). Руководимое им учреждение выделялось среди прочих порядком, дисциплинированностью надзирателей и относительно малым числом побегов заключенных. К сказанному можно добавить, что начальник тюрьмы был еще и примерным семьянином, вырастившим в тесной казенной квартире с «окнами на тюремный двор» трех сыновей и трех дочерей. В 1903 году А.М. Порохин ушел в отставку по болезни, передав дела и должность коллежскому асессору П.И. Назорову.

А, в целом, список известных нам руководителей Вольской тюрьмы дореволюционного времени выглядит так:

- 1823–1838 гг. – штабс-капитан Щуров;
- 1838–1841 гг. – поручик Самодуров;
- 1842 год – прапорщик Матвеев;
- 1842 год – подпоручик Федоров;
- 1859 год – поручик Аполлон Николаевич Остолопов;
- 1863 год – капитан Андрей Федорович Исаков;
- 1880 год – коллежский регистратор Семен Константинович Биткин;
- 1883–1903 гг. – надворный советник Афанасий Михайлович Порохин;
- 1903–1906 гг. – коллежский асессор Павел Иванович Назоров.

История сохранила портретное, а точнее, фотоизображение только П.И. Назорова.

135 ЛЕТ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

ГЛАВА 3. «...В БАЛАШОВСКОМ УЕЗДЕ ТЮРЬМА ВЕТХА...»

Тюрьма города Балашова – одно из старейших пенитенциарных учреждений нашей области, уступающее по возрасту только первому и второму следственным изоляторам. А, может быть, и не уступающее. В одном из архивных документов конца XIX века сказано, что каменное одноэтажное здание Балашовской уездной тюрьмы построено в 1837 году после того, как пожар уничтожил бывшую до того в эксплуатации деревянную постройку. Когда же вообще тюрьма образовалась, «того никто не помнит». В 1882 году возвели еще некое «дополнительное здание». По состоянию на 1897 год тюрьма была рассчитана на 60 арестантов (реально содержалось, в среднем, около ста), имела пять общих камер, одиночных камер не было. По штату в ней служили десять надзирателей. При тюрьме имелся огород площадью шесть десятин, обрабатываемый арестантами.

В 1888 году главное здание тюрьмы сильно пострадало от пожара. Для размещения арестантов было арендовано у городской управы другое строение. В 1890 году балашовцы возбудили ходатайство о постройке в городе новой тюрьмы, мотивируя нужду в ней тем, что и без всяких пожаров старые тюремные здания сделались ветхи, тесны и неудобны для размещения арестантов. Но денег на строительство тогда не нашлось, более того, в следующем 1891 году городская управа забрала назад временно выделенный для размещения заключенных дом. С разрешения Главного тюремного управления все арестанты, а именно 104 человека, были возвращены в менее пострадавшие помещения погорелого корпуса. В документах той поры отмечается, что тюрьма крайне незначительна по своим размерам, поэтому нет места для устройства

мастерских и нет возможностей занять заключенных другой работой, кроме как уборкой городских улиц. Упоминается, как недостаток, и то, что при тюрьме отсутствуют казенные квартиры для начальника и надзирателей. В то время считалось, что проживание тюремного персонала на рабочем месте, в тюремной ограде, благотворно сказывается на качестве надзора и порядке в учреждении, и в большинстве других тюрем Саратовской губернии такие казенные квартиры имелись. Фигурирует в старых отчетах также большая зловонная лужа напротив тюрьмы: из бани при тюремном замке, где моют арестантов, вода течет прямо на улицу и там скапливается.

Помимо тюремного замка, располагавшегося на Московской улице (ныне ул. Ленина), в Балашове имелся арестный дом, открытый примерно в 1866 году. По статистическим данным, в 1871 году в нем одновременно «сидело» порядка 25 человек. В дореволюционной России в таких учреждениях отбывали краткосрочный арест по приговорам мировых или городских судей всевозможные хулиганы, пьяницы-дебоширы, мелкие жулики и прочие не особо опасные для общества субъекты. В отличие от тюрем, содержащихся на средства из губернского бюджета, арестные дома устраивались и содержались целиком земством. Как и тюрьма, арестный дом к концу XIX – началу XX века морально и материально устарел.

И вот 31 июля 1913 года в Балашове состоялся съезд-совещание под председательством уездного предводителя дворянства, в котором участвовали земские начальники одиннадцати участков, податные инспектора, уездный исправник и почетный мировой судья. Слушали: постановление Саратовского губернского присутствия об увеличении

135 ЛЕТ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

числа арестных помещений в Балашовском уезде. Решили: строить арестное помещение в городе Балашове.

Земская управа подготовила план постройки и смету на 28 тысяч рублей. Предполагалось, что город лишь выделяет место для строительства, а необходимые средства ассигнует тюремное ведомство. Точной даты ввода нового здания в эксплуатацию в архивных документах не обнаружено. По косвенным данным, это достославное событие произошло в период с 1913 по 1916 год. Возведенный тогда четырехэтажный каменный корпус, удовлетворяющий требованиям санитарии, изоляции и надежной охраны, стоит и поныне. Первоначально служивший арестным домом, первоначально с первых послереволюционных лет он стал и по сей день служит тюрьмой.

Сохранились достаточно полные биографические данные о трех начальниках Балашовской уездной тюрьмы, последовательно сменявших друг друга в начале XX века. В 1904–1907 годах начальником являлся титулярный советник Георгий Андреевич Рождественский. Был он из семьи священника, сам обучался в духовном училище, имел жену – дьяконессу, сына и трех дочерей. Но, видимо, душа Георгия Андреевича попросила подвига, и, отвергнув карьеру священнослужителя, он записался в лейб-гвардии Преображенский полк. А, уволившись в запас после шестилетней службы в полку, устроился в полицию Тамбовской губернии, был полицейским надзирателем Аткарска и приставом 3-го стана Балашовского уезда, после чего уже в возрасте сорока восьми лет стал начальником Балашовской тюрьмы. За усердие в службе был высочайше пожалован серебряной медалью в память царствования в Бозе почившего императора Александра III и чином титулярного советника (гражданский чин, соответствующий армейскому капитану).

Следующим начальником тюрьмы в возрасте всего двадцати пяти лет стал коллежский регистратор (что соответствовало армейскому прапорщику) Ромуальд Зеволнович Раецкий, бывший вольноопределяю-

щийся 179-го пехотного Усть-Двинского полка. Вольноопределяющийся в царской армии – это солдат-доброволец, имеющий право выслуги офицерского чина по прошествии определенного времени. После пяти лет в армии Раецкий служил в полиции поселка Дубовка, в апреле-октябре 1908 года руководил Балашовской тюрьмой, после чего перевелся в полицию Симбирской губернии.

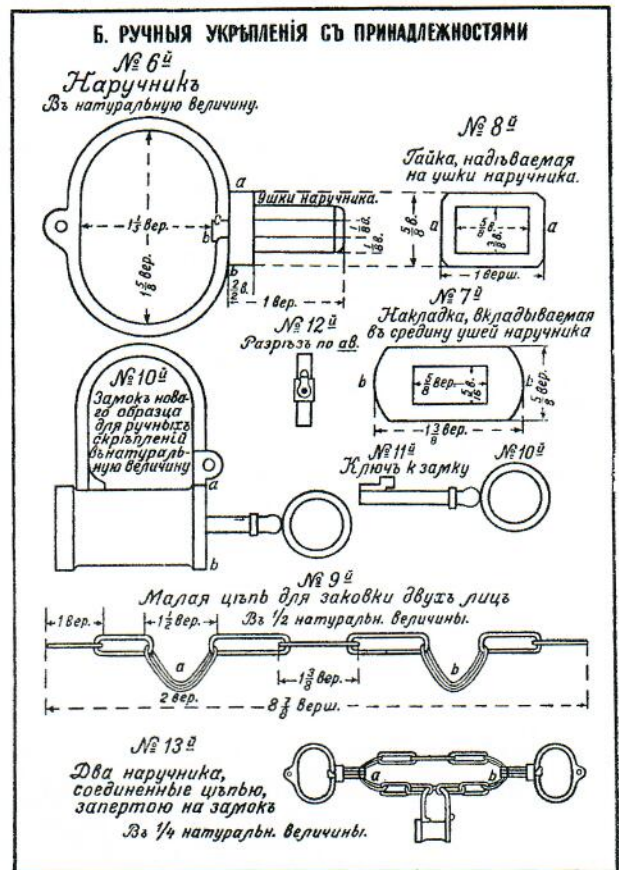
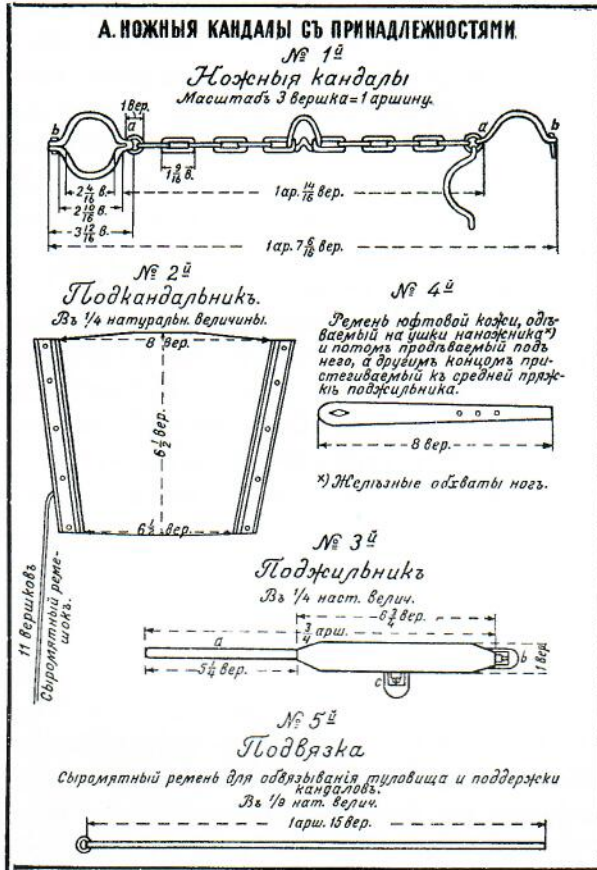
На смену упомянутому Ромуальду поступил коллежский регистратор Константин Тимофеевич Тищенко, двадцати шести лет от роду. До того Тищенко успешно окончил четыре класса саратовской мужской гимназии № 2 (сейчас в здании бывшей гимназии – средняя школа № 67, это почти напротив административного здания УФСИН России по Саратовской области на улице Московской, 156«А»). Дальше учиться не стал из-за отсутствия средств. Видимо, по причине той же бедности взял в жены простую «крестьянскую дочь», будучи сам потомственным дворянином. В 1900 году в возрасте восемнадцати лет при Вольской военной гимназии Тищенко сдал экзамены по программе поступающих на военную службу вольноопределяющимися, был зачислен в 228-й Хвалынский резервный батальон, через два года

Старый режимный корпус Балашовской тюрьмы, построенный до 1916 года

135 ЛЕТ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Чертеж кандалов

получил чин ефрейтора и ушел в запас. Когда в 1904 году началась война с Японией, ефрейтора Тищенко мобилизовали и в составе 215-го Бузулукского пехотного полка отправили на фронт. За храбрость в боях он был награжден Георгиевским крестом, бронзовой медалью участника русско-японской войны, дослужился до командира роты и был произведен в прапорщики. В старой русской армии чин прапорщика был офицерским, примерно соответствуя современному званию младшего лейтенанта. И погоны у царского прапорщика были, как у современного младшего лейтенанта: один просвет, одна маленькая звездочка. Уволившись в запас в 1906 году, Тищенко поступил на тюремную службу, был последовательно помощником начальника Сара-

товской губернской тюрьмы, Саратовского исправительного арестантского отделения, Царицынской тюрьмы, в 1908–1909 годах – начальником Балашовской уездной тюрьмы, с каковой должности его перевели в Тифлис (Тбилиси) помощником начальника Тифлисской губернской тюрьмы.

Имеются упоминания и о других руководителях тюрьмы в славном уездном городе Балашове:

– 1891 год – коллежский секретарь (то есть, штабс-капитан) Лука Степанович Степанов;

– 1896–1897 гг. – коллежский секретарь Павел Иванович Назоров;

– 1902 год – коллежский регистратор Петр Лукич Степанов.